СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛЬСКИЕ ПОВЕСТИ

II

Станислав Дыгат
Диснейленд

OCR Busya
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161782
Современные польские повести. Том II: Художественная литература; Москва; 1974

Аннотация

Действительность в прозе Дыгата обычно передается через восприятие героя – повествователя. На первый план выступают заботы, стремления и надежды «заурядных», обыкновенных людей, обладающих, однако, незаурядной наблюдательностью и чувством юмора. Писатель вкладывает в уста героев многие свои размышления и наблюдения, как правило, окрашенные иронией. Это создает своеобразный, неповторимый сплав лиризма, иронии и самоиронии, который является отличительной чертой стиля писателя.

Содержание

Глава 1 4
Глава II 9
Глава III 25
Глава IV 36
Глава V 49
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Станислав Дыгат
Диснейленд

Глава 1

Я стоял, опершись на барьер у беговой дорожки, и глядел на зеленую траву. Ксенжак сидел рядом, на скамье. Он поигрывал висевшим у него на шее секундомером и тоже пялил глаза на зеленую траву.

Мы напряженно выжидали, кто первым нарушит молчание и заговорит.

Над стадионом прошумел вертолет, хлопая крыльями, пролетели голуби к синевшему в догорающем свете весеннего дня кургану Костюшки. Неожиданно они круто повернули к залитым солнцем башням Вавеля.

По дорожке неторопливой рысью трусил Мигдальский. Отмахивал свои круги. На его физиономии застыла идиотски сосредоточенная гримаса.

«И чего этот осел так старается?» – подумал я.

Я вовсе не сбрасывал его со счета. Я знал, что через год Мигдальский сумеет меня обставить. Он был упорен и честолюбив. А главное, бег чертовски много для него значил. Впрочем, сейчас я точно так же подумал бы о любом, кто бегал по кругу. Все казалось мне сплошной глупостью, осо-

бенно это.

Неподалеку от нас прыгала Дорота. Слышались топот ее ног и выкрики. Я не смотрел в ту сторону. Вообще-то мне нравилось наблюдать, как она прыгает. Но сейчас меня абсолютно ничто не интересовало.

– Мигдальский! – крикнул Ксенжак».

Мигдальский остановился с вопросительной улыбкой. Ксенжак принялся кричать на него, возмущаясь, что он слишком высоко поднимает ноги. Он грубо ругался. Мигдальский удивленно смотрел на него, потому что обычно Ксенжак был с нами вежлив.

Мигдальский вовсе не поднимал высоко ног, и вообще какое это имело значение? Кроме того, Ксенжак и не мог этого видеть, так как смотрел на зеленую траву. Это я время от времени поглядывал на Мигдальского, который действовал мне на нервы. Ксенжак просто сорвал на Мигдальском злость, его бесило, что я не хотел заговорить первым. Потом принялся отчитывать его, зачем тот остановился. Но ведь Мигдальский вынужден был остановиться, выяснить, чего Ксенжак от него хочет. Слегка растерянный, Мигдальский побежал дальше. Мне стало жаль его. Я недолюбливал Мигдальского, но ведь это из-за меня Ксенжак наорал на него.

– Чертов растяпа! – словно бы про себя пробурчал Ксенжак.

В действительности это была мольба, чтобы я отозвался. А я молчал. И все больше злился на Ксенжа-ка. Когда я по-

нял, какое это с моей стороны свинство, мне стало нехорошо. Но я ничего не мог с собой поделать.

Подошла Дорота. Поправила трусики, хотя они ей нигде не жали. Просто умышленный прием.

– Мэтр, – сказала она, – у меня неразрешимые проблемы.

Ксенжак сердито посмотрел на нее.

– Никогда не ожидал, что ты на такое способна. Дорота обычно все, что ей говорили, воспринимала буквально, и подчас с ней поэтому трудно было разговаривать. Но было у нее одно достоинство: она абсолютно ни на что не обижалась. Ребята бились об заклад, потешаясь над ней самым немыслимым образом. Она все это принимала с улыбкой. Такое понятие, как обида, для нее просто не существовало. Мне нравилась Дорота. Я отдыхал в ее обществе.

Она поглядела на меня, потом на Ксенжака и спросила:

– Мэтр, что вы хотели этим сказать?

Ксенжак вздохнул.

– Какие у тебя проблемы?

– Мэтр, что я такое сделала, чего вы от меня не ожидали?

– Да ничего, – сказал Ксенжак, – это я просто так.

– Неправда, мэтр, вы никогда не говорите просто так.

Меня злило это ее бесконечное «мэтр». К Ксенжаку все так обращались. И обычно я относился к этому с полным безразличием. Но сегодня даже такой пустяк меня злил.

– Я всегда говорю просто так! – заорал он.

Сила Доротиной наивности была всемогуща. Ксенжак

невольно клюнул на нее, но быстро опомнился.

– Ну, скажи, наконец, какие проблемы тебя волнуют? – произнес он усталым голосом.

– Мне кажется, я плохо отмеряю шаг. Хотя, может, дело и не в этом. Я никак не могу попасть на планку. Почему так…

– Идем! – оборвал ее Ксенжак.

Он взял ее за руку. Они направились к спортплощадке.

Я раздумывал, что делать дальше. Уйти вроде бы неловко. Остаться – тоже.

Мигдальский приостановился и крикнул:

– Давай сюда, Марек! Скинь костюм и разомнись немного. Чего ты там нахохлился?

Это был наилучший выход из положения. Но чтобы Мигдальский не очень заносился, я все-таки остался в тренировочном костюме.

Я валял дурака. То обгонял Мигдальского, то позволял ему уйти вперед, и так без конца. Он нервничал и злился, потому что хотел спокойно и размеренно пробежать свои пять тысяч метров. Но именно поэтому я так и поступал. Когда я обгонял его в который-то там раз, он крикнул:

– Осади немного назад, за твоими ушами дорожки не видать.

– Генрик, – отозвался я, – столь сложные остроты явно превосходят твои умственные способности. Смотри, заработаешь воспаление мозга.

Это было не очень остроумно, но для Мигдальского со-

шло. Он раскрыл рот, не зная, что возразить, но тут же закрыл его и с прежней сосредоточенной миной побежал дальше.

Уши у меня действительно немного оттопыривались. Но девушки говорили, что это мне даже идет.

Глава II

Мой отец был ужасным слюнтяем. Это обстоятельство повлияло и на мою жизнь, гак как из своей он сделал вывод: слюнтяем быть плохо, а физическая подготовка позволяла избежать многих неприятностей. Он заставил меня заниматься гимнастикой, вообще спортом, изучать приемы джиу-джитсу. Когда мне было семь лет, он хотел научить меня делать сальто. Во время упражнения я сильно ударился головой, сервант опрокинулся, и севрский сервиз разбился вдребезги. Это был не настоящий севрский фарфор, а всего лишь подделка, что имело известное значение в последующей фазе инцидента.

От такого удара головой можно было навсегда остаться дураком. Но у меня оказалась чертовски крепкая голова. Когда потом я занимался боксом, ни один удар не мог свалить меня с ног. В боксе я имел шансы достичь недурных результатов, но как-то раз во время встречи юниоров Краков – Гданьск, когда на ринге дрался именно я, гданьский болельщик крикнул:

– Бей вислоухого!

Тогда я решил, что больше не стану заниматься боксом. Никаких комплексов из-за моих ушей у меня не было. Некоторые даже утверждали, что уши подчеркивают мою мужскую индивидуальность. Но, в отличие от Дороты, я обид-

чивый. Подчас я обижался даже не потому, что чувствовал себя задетым, а из простого подозрения, будто меня хотят обидеть. По большей части это оказывалось вздором, и окружающие удивлялись, почему я ходил с кислой миной. Из-за ушей у меня не было комплексов. По правде говоря, я перестал заниматься боксом не потому, что меня оскорбил этот выкрик, просто бокс мне осточертел. Я заявил тренеру Шиманяку, что, глубоко уязвленный хамством нашего зрителя, решил оставить ринг. Разговор вышел удивительно дурацкий. Шиманяк ударился в патетику и нес чепуху относительно позиции спортсмена. Он был интеллигентным человеком, но мое глупое заявление вывело его из равновесия. Особенно, что я повторял одно и то же: «Я не позволю себя оскорблять». Я знал, что несу чушь, но не мог остановиться. Я не раз говорил или даже делал вещи абсолютно идиотские, отдавал себе в этом отчет, но не мог ничего с собой поделать. Шиманяк наконец потерял терпение и крикнул: «Поступай как знаешь и оставь меня в покое!» Я сказал: «Хорошо. Очень хорошо», – и пошел прочь. Тогда он буркнул: «Вислоухий дурак!» Я остановился и повернулся к нему. Постоял с минуту, а потом сказал: «Я как раз пришел к выводу, что вы были правы, и собирался признать это. Но раз и вы меня оскорбляете, я прощаюсь с боксом навсегда». Я понимал, что поступаю нечестно, и все-таки сказал такую вещь. Это было подло, поскольку я догадывался, что «вислоухий дурак» он пробормотал из сожаления, а не по злобе. Но при-

творился, будто понял иначе. Притворился, чтобы на него свалить ответственность за то, что я покидаю ринг.

Люди страшно лгут. Обманывают себя и других в большом и в малом. Один ненавидит другого. Даже самые близкие враждуют друг с другом. Дружба, родственные чувства, любовь – это лишь форма борьбы, которая идет везде. Я часто думал о жизни. И когда приходил к таким выводам, мне становилось не по себе.

Стычка между моим отцом и матерью походила на столкновение с Шиманяком. Я не утверждаю, что мать ждала случая, когда по вине отца я стукнусь головой. Ко она искала повода для ссоры.

Отец был смущен. Он сказал:

– Ну зачем так кричать? Ведь фарфор не настоящий?

Он хотел пошутить. Думал таким образом разрядить обстановку. Но мать истолковала его шутку, как злобный выпад против ее материнских чувств. Как намек на то, что ее больше огорчает разбитый сервиз, чем моя голова. И она накинулась на отца с ответными упреками. А у нее накопилось их немало. Она кричала, и отец тоже пытался кричать, но у него ничего не получалось. У меня гудела голова. Больше от их криков, чем от удара. Я хотел что-то сказать, но ничего не сказал. На меня ни отец, ни мать не обращали никакого внимания.

Это было в годы оккупации. Ссора затянулась. Стемнело. Отец зажег свет, но забыл спустить шторы, явился немецкий

полицейский, который тоже начал орать. Он грозил расстрелом, но, получив стакан водки, рубленую котлету, оставленную мне на ужин, и деньги в придачу, ушел. При этом он держался униженно, как наш дворник Квятковский в канун Нового года.

Поведение немецкого полицейского повергло меня в уныние. Оно показалось мне мерзким, как поведение матери, и жалким, как поведение отца.

Во всяком случае, полицейскому удалось сделать то, что не удалось отцу: он разрядил обстановку. После его ухода родители долго молчали. Потом принялись проклинать оккупацию. А затем родители отправились спать и даже не позаботились положить мне на голову компресс. Впрочем, голова у меня совсем не болела.

Примирение родителей было мнимым. На следующий день разразился еще больший скандал. Виной тому была не моя голова, а комментарии по поводу севрского фарфора. Вскоре после этого мать ушла из дому. Она уже давно жила с одним врачом. Все об этом знали, кроме отца.

Мать была очень красивая. И не могу понять, каким образом она вышла замуж за такого слюнтяя, как мой отец.

Когда двое людей расходятся и у них есть ребенок, этому событию сопутствуют драматические коллизии. В нашей семье ничего подобного не произошло. Мать просто ушла из дому, а я остался. Время от времени она появлялась, чтобы забрать кое-что из вещей. Тогда они переругивались с отцом,

но уже иначе, чем прежде. Менее нервозно, без криков. Когда я грохнулся и надо было побеспокоиться о моей голове, ссора началась из-за севрского фарфора. Зато теперь много говорилось о моем ушибе. Ясное дело, забота о моей голове послужила благовидным предлогом для их конфликта и разрыва, а не те постыдные для них обоих вещи.

Каждое воскресенье я приходил к матери обедать. Ее врач оказался симпатичным человеком. Я довольно быстро подружился с ним, а мать всеми силами пыталась помешать нашей дружбе. Удивительно, но он тоже оказался слюнтяем.

Когда я начал заниматься боксом, он являлся на состязания и там, в зрительном зале, встречался с моим отцом. Они делали вид, что не знают друг друга, но своими криками старались ободрить меня и обменивались впечатлениями. Встречаясь где-нибудь в ином месте, они даже не раскланивались.

Мать не любила, когда я приходил к ней. Эти воскресные обеды были нам обоим в тягость. Как-то в воскресенье мы с ней остались одни в квартире. Ее доктор уехал по каким-то делам в Бохню. После обеда, стоя у окна, я глядел на погруженные в вязкие зимние сумерки краковские улицы. Неожиданно мать подошла ко мне. Некоторое время мы стояли молча, а потом она ни с того ни с сего принялась плакать. Более глупой и нелепой ситуации, думал я, быть не может, но я ошибался, так как через минуту она обняла меня и прижалась ко мне. Я замер, одеревенел, возненавидел ее. Я знал,

этот порыв вызван не нежностью, не упреками совести. Ну и слава богу! Наверно, какая-то размолвка с новым слюнтяем. Может, она подозревает, что он поехал не в Бохню, а просто-напросто изменяет ей. Как всякий деспот и эгоцентрик, она была ревнива от природы. Даже моему отцу она закатывала сцены ревности, хотя относилась к нему с полным безразличием. Тогда у окна я подвернулся ей совершенно случайно. Она прижалась бы к каждому, кто оказался бы рядом.

Люди, когда их что-то по-настоящему проймет, ищут утешения в чьих-то объятиях. Это доставляет им психическое облегчение. А мне – нет. Я в таких случаях не только избегаю объятий, но и мое собственное тело мне в тягость. Тогда я отправляюсь в ванную комнату, моюсь, чищу зубы, бреюсь и причесываюсь. Я стремлюсь отвлечь внимание тела от его психических функций.

Меня трясет до сих пор, когда я вспоминаю эту сцену. Я молил бога, чтобы все побыстрее кончилось. Внезапно мать оттолкнула меня. Она перестала плакать, а на ее лице появилось злое выражение. Она дала мне деньги и сказала, чтобы я пошел в кино.

В кинотеатре я попал в облаву. Час спустя меня отпустили, но я заработал по морде от немецкого жандарма, который был весьма удивлен, что от его удара я устоял на ногах, и дал мне за это плитку шоколада, из посылок, какие англичане сбрасывали для нас с самолетов с надписью: «Поляки, мы наготове!» Исключительно вкусный шоколад.

Мать интересовалась мной только по необходимости демонстрировать на публику родительские чувства. Отец даже не пытался делать этого, но зато он все более рьяно занимался моим физическим воспитанием. Однако до меня ему было столько же дела, сколько матери, когда она обняла меня у окна. Он тоже использовал мое тело для расчетов с самим собой.

Он был адвокатом. Я не понимал, почему клиенты поручали ему вести дела. Я никогда не слышал, чтобы он выиграл какое-нибудь дело. Он жаловался на прокурора, на интриги, на то, что все стараются подставить ему ножку. Несмотря на это, многие прибегали к его посредничеству потому, что у него было имя. Отец моего отца был знаменитым адвокатом. Немало негодяев было обязано ему тем, что он выручал их из беды. Но сам он кончил плохо. Его случайно огрел ломом по голове один преступник-джентльмен, которого он за год до этого спас от каторжных работ. Этот преступник-джентльмен занимал определенное положение в обществе и вел двойную жизнь. Стараниями отца моего отца ему не смогли предъявить никаких улик. Он был потрясен, узнав, что спьяну прикончил на Затишье ломом адвоката Аренса. Потом, на суде, он все время повторял, что никогда себе этого не простит.

Мой отец унаследовал от своего отца контору, клиентов и прежде всего имя. Я ненавижу слово «дедушка». Оно отдает древностью и инфантильностью. Лично я не придаю значе-

ния имени. Для меня важно, что человек делает и чего он стоит. Из всех героев древней истории особую неприязнь вызывал у меня Герострат. Я не мог думать о нем без раздражения. Я считал его идиотом.

В жизни нередко тот достигает удачи, кто путем искусных махинаций сумел создать себе имя. Такие используют глупость и нерадивость других, они, конечно, не хотят искать подлинные ценности, а хватают то, что на виду и само идет в руки. В спорте подобные вещи невозможны. Но насколько я мог судить по разговорам в литературно-артистическом кафе «Под баранами» (куда я ходил только по настоянию Агнешки), в театре, кино и в мире искусства вообще имя играет иную роль. Например, актриса исполняет одну роль за другой и, как это принято у них говорить, роль за ролью «заваливает». Но она являет собой тип женщины, наделенной приятной полнотой, которая безотказно действует на режиссеров. Поэтому ей поручают новые роли. По той же причине всюду мелькают ее фотографии, у нее берут интервью, и так далее. У нее есть имя. Это воздействует даже на режиссеров, равнодушных к ее полноте. Они поступают так по глупости и лени. Если бы она была легкоатлеткой и полнота ее безотказно воздействовала на господина Эйвери Брэндеджа, она не установила бы мирового рекорда, не победила бы даже на окружных соревнованиях. Я не возмущался нравами артистических кругов, а просто констатировал факт. А то, что эта среда действовала мне на нервы, – другой вопрос. Вообще я

мало интересовался искусством. Лишь в той мере, в какой меня к этому вынуждала Агнешка.

Спорт тоже нагонял на меня тоску. Я не был поклонником спорта. Выдающиеся профессионалы редко энтузиасты своего дела. Я это заметил. Не знаю, почему так получается. Может, они не забывают о тех мучениях, через которые должен пройти каждый, кто хочет достичь выдающихся результатов. Может, из скромности. Может, играет роль то и другое. Любой энтузиаст своего дела всегда казался мне несколько подозрительным.

Спорт – моя профессия. Даже нечто большее. У меня есть все основания считать себя выдающимся специалистом в этой области. Второе место в чемпионате Европы позволяло мне так считать. Я был бы, вероятно, даже чемпионом, если бы накануне соревнования по бегу не просидел допоздна с фордансерками в ночном ресторане в одном из фешенебельных кварталов города, где проходил чемпионат. Не знаю, чего ради я там торчал. Фордансерки оказались глупыми, манерными кривляками и совсем меня не забавляли.

Впрочем, довольно о званиях, наградах и прочей чепухе. С этой точки зрения спорт нагонял на меня скуку. Однако он заменял мне дом, семью, детство. Это отец сделал из меня спортсмена. Но я не испытывал к нему благодарности. Наоборот. У меня не было ни малейшего желания стать спортсменом. Я не раз пытался оставить спорт. Но мне это никак не удавалось. Слишком глубоко он вошел в мою жизнь. Ре-

шения принимались без моего участия, вопреки моей воле. Я понимал: произошло что-то, что совсем мне не подходило и не имело со мной связи. Я никому не мог бы этого объяснить. Слишком все усложнилось. Я пробовал однажды поговорить с Агнешкой. Она сказала: «Ты усложняешь самые простые вещи. Тебе не хватает естественности». Она не поняла, что я имел в виду, и потому все свалила на меня. Не хватает естественности! Кто это говорил? Временами я начинал ненавидеть Агнешку.

Нет. У меня не было оснований благодарить отца. Я был для него чем-то вроде скаковой лошади. Но я плевал на это. Плевал и на то, как он ко мне относился. Но плевать на то, как сложится моя судьба, я не мог. Как она должна была сложиться? Если бы я мог предвидеть! Меня обуревали желания, стремления, страсти, в которых я не мог разобраться. Иногда я мечтал совершить героический поступок. И назло самому себе хотел, чтобы он остался неизвестным миру и человечеству. В противоположность идиоту Герострату.

Спорт, которым меня заниматься заставили, заменил мне все то, чего меня лишили. Подобно приговоренному к каторжным работам, я находил в нем компенсацию за утраченную свободу.

Нет. У меня не было оснований благодарить отца за то, что с помощью спорта я как-то нашел свое место в жизни. Заодно я презентовал ему имя. Прежде меня спрашивали, не сын ли я известного адвоката. Потом к нему обращались с

вопросом: не отец ли он известного легкоатлета? Бог с ним! Это был его последний и, может быть, единственный повод к самодовольству.

Когда мне было двенадцать лет, сальто представлялось мне столь же обычным, как прогулка по Плантам.[1] Отец спивался. Он даже не знал, в какую школу я ходил. Не знал, учусь ли я вообще. Когда мне надо было проплыть стометровку кролем, он сам замерял мне время. Однажды он был настолько пьян, что ухнул в воду вместе с секундомером. После этого он стеснялся появляться на тренировках, и это доставляло мне такое облегчение, что я даже полюбил плавание. Но как-то он заявил, будто плавание – глупейший вид спорта, и я должен заниматься боксом. Он невзлюбил плавание потому, что свалился в воду. Бокс не интересовал меня. Собственно говоря, меня по-настоящему ничего не интересовало. По натуре я был абстрактным мечтателем, мне бы родиться сыном миллионера и путешествовать по свету на собственной яхте, восторгаться заходом солнца на различных широтах. Но мой отец был не миллионером, а слюнтяем, и это, пожалуй, к лучшему: благодаря этому я стал спортсменом, что помогло мне как-то утвердиться в жизни. Итак, спорт меня не интересовал и не увлекал, а единственно, что меня действительно занимало, – курган Костюшки. Вернее, не столько сам по себе курган, сколько то, что находится за ним. Когда я спрашивал об этом, мне нетерпеливо пере-

---

[1] Бульвар в Кракове.

числяли географические пункты: Беляны, Скавина, Тынец, Лянкорона, и так далее. Но меня интересовало совсем другое, а что именно – я не мог объяснить, поэтому меня называли чудаком. Я любил глядеть на курган Костюшки, особенно на заходе солнца, я любил представлять себе сияющие миры, которые скрываются за ним. Миры, отличные от того мира, в котором я жил, полные неведомых образов и красок, где мне бы все благоприятствовало. Не сделайся я спортсменом, я наверняка свихнулся бы.

В школу я ходил только благодаря слюнтяю номер два, маменькиному доктору. Он поинтересовался, чем я занимаюсь помимо плавания и разных трюков вроде сальто. Когда он узнал, что остальное время я бью баклуши, то определил меня в школу. Мать восприняла это как личное оскорбление. Разразился дикий скандал. Агнешка по временам вела себя точно так же, как тогда моя мать. Ну, я сам обошелся с Шиманяком нисколько не лучше. Маменькин доктор своим примером доказал мне, что трусы в конечном счете всегда проигрывают. Он считал необходимым определить меня в школу, но боялся сказать об этом матери, понимая, что она воспримет это как выпад. По своей наивности он полагал, что, поставив ее перед свершившимся фактом, избежит скандала. Он был невероятным слюнтяем. Он выходил из комнаты, когда мать спрашивала меня, как дела в школе. Я нес всякую околесицу. В школу я не ходил. Меня оттуда вышибли. Несколько раз туда вызывали отца, но он ни разу не явился.

И все спрашивал у меня, чего от него хотят. Я отвечал, что это, вероятно, по поводу экскурсии на Мазурские озера. Он злился, что по пустякам у него отнимают время, и это успокаивало его совесть. Я никогда не кончил бы школы, если бы не Шиманяк. Он узнал обо всем и попросил заведующего окружным отделом просвещения принять меня обратно. Этот заведующий до войны сам был судьей на ринге. Перед тренировками Шиманяк проверял, приготовил ли я уроки. Если нет, отсылал меня домой. Шиманяк был единственным человеком, который принял во мне участие. Я всем ему обязан. Ну и хорошо же я отблагодарил его, ничего не скажешь! Умный и снисходительный, он умел находить с парнями общий язык. Только один-единственный раз он сорвался. Когда я заявил ему, что ухожу из спортивного клуба. Моя глупость вывела его из равновесия. Впрочем, мы скоро помирились, и он продолжал меня опекать. На ринг я не вернулся. Однако это он уговорил меня заняться легкоатлетикой. Он сказал, что у меня фигура настоящего средневика. Он заметил это на тренировках. Но мне не хотелось бегать. Отказаться же от бега я не мог. Первые победы меня несколько воодушевили. Однако энтузиастом спорта я не был и так и не сделался им.

Шиманяк продолжал интересоваться моим учением. Когда я получил аттестат зрелости, он посоветовал мне поступить в архитектурный. Он сказал: «У тебя есть способности к рисованию. Смотри, не растрачивай себя попусту. А то еще

станешь художником и начнешь малевать лица без носов или одни торсы с глазами. Ну и что дальше? Сопьешься и вообще перестанешь быть мужчиной. Если у тебя есть способности, надо проявить их в каком-нибудь практически полезном деле. Иди в архитектурный». И я пошел, хотя архитектура меня не интересовала. И так всегда: всякий раз я безропотно покорялся тому, к чему меня вынуждали. Я подчинялся обстоятельствам. И безвольно плыл по течению. Я не был лишен воли и характера. Но мои воля и характер проявлялись под действием навязанных извне и последовательно развивающихся событий. Они теряли силу и смысл, когда я пытался вырваться из этого заколдованного круга.

Если бы меня спросили, верю ли я в судьбу, я ответил бы, что нечто подобное, возможно, и существует. Однако это не сверхъестественная сила, а стечение обстоятельств. Обстоятельства начинают взаимодействовать, когда мы еще не отдаем себе в этом отчета и не имеем возможности противостоять им. Можно ли противиться судьбе? Тогда требуется противопоставить ей собственную настойчивость, выработать свою правду и отвергать всякое вторжение правд чужих и банальных.

Шиманяк был так ко мне привязан, что я даже подумывал, не педераст ли он? Но мои подозрения развеялись, когда в один прекрасный день он пустил себе пулю в лоб из-за Лели, по кличке «Фиат-1100», жуткой шлюхи, которую каждый мог взять в ресторане «Феникс» за гроши. Он свистнул у

милиционера пистолет во время матча с «Гвардией». Милиционер отсидел за это. Шиманяк был одинок, и его терзали неразрешимые комплексы, несбыточные мечты. Мой отец – слюнтяй и интеллигент – занялся моим физическим воспитанием. Шиманяк – дилетант и спортсмен – руководил моим духовным развитием.

Он не был педерастом, но сохранял комплексы в отношении к слабому полу. Эта шлюха оказалась первой женщиной в его жизни. А ему в ту пору исполнилось сорок пять лет. Когда неискушенность сталкивается с внезапно пробудившейся страстью, происходят ужасные вещи.

Сначала самоубийство Шиманяка не произвело на меня должного впечатления. Лишь потом меня стали неотступно преследовать мысли о нем. Но больше всего меня мучила не его смерть, а то, что он был первым человеком, с которым я обошелся по-хамски. Что из того, что он простил меня? Я следил за вероломной борьбой, которую люди вели друг с другом, наблюдал за лживостью человеческой натуры. Но когда сам поступил по-хамски, то даже не заметил, что оказался не лучше других. Я часто отдавал себе в этом отчет, но не умел отступать. Вопреки самому себе, я слепо устремлялся к тому, что могло принести мне пользу или удовлетворение. Как я восхищался князем Нехлюдовым из «Воскресения» Толстого. Я думал, способен ли я на такое? Мне казалось, что спасти меня от окончательного падения могло лишь опасение оказаться совершенной скотиной. Я не гово-

рил об этом с Агнешкой. Но чем больше усложнялись наши отношения, тем чаще я возвращался мыслью к первому совершенному мною хамству.

Я по-свински обошелся с человеком, который в моей жизни значил больше, чем отец. Он пустил себе пулю в лоб потому, что его мечты вошли в противоречие с действительностью.

Глава III

Первый раз я влюбился, когда мне было семнадцать лет. Потом я влюблялся еще несколько раз. Не все увлечения заслуживают того, чтобы о них вспоминать. Но каждое оставляло чувство пустоты и тревоги, что ожидания никогда не сбываются и что наши желания – иллюзия. И еще оставалось чувство стыда оттого, что наши и чужие слова внезапно утрачивают значение.

Мы воображаем, что нас обязательно кто-то полюбит. Кто-то, кого мы рано или поздно встретим. Мы мечтаем о многом, что потом не сбывается.

О том, что такое любовь, я узнал в семнадцать лет. Пожилых людей умиляет любовь в этом возрасте, но они не относятся к ней всерьез. До чего коротка человеческая память! Ведь любовь всегда одинакова. Безразлично, в семнадцать лет или в сорок семь она заставляет людей делать глупости. Коротка человеческая память. Когда любовь проходит, человек удивляется, до чего же он был легкомыслен. И он насмехается над влюбленными, не взирая на их возраст. Коротка человеческая память! Люди легко поддаются собственным иллюзиям, а к чужим относятся враждебно.

В соседней женской школе самой хорошенькой девушкой была Алина Вагнер. Мы не были знакомы, но она действовала мне на нервы. Она носила сдвинутый набок берет.

Этот берет выводил меня из себя. Она тоже меня ненавидела. Встречаясь со мной, она делала надменную физиономию. Поскольку я на это не реагировал, она придумывала разные штучки. Однажды показала мне язык. И проделала это очень ловко: сразу же повернулась к своей подружке, будто не мне, а ей показывала язык. В другой раз, издали заметив меня, она передала портфель подруге, а когда поравнялась со мной, схватила себя за уши и оттопырила их. Получилось так же двусмысленно, как тогда, когда она показывала язык.

Накануне Женского дня пришло письмо, адресованное нашему классу. Я первый схватил его. Это было приглашение от девочек из соседней школы.

«Уважаемые друзья!
По случаю Женского дня мы устраиваем танцы.
Просим всех принять участие.
От имени X класса 135-й школы.
Алина Вагнер

P. S. Настоящее приглашение ни к чему не обязывает вашего товарища Марека Аренса. Его опасения, как бы во время танцев ему не отдавили уши, вполне понятны.
А. В.»

Я прочитал письмо одноклассникам, опустив постскрип-

тум, потом изодрал его на мелкие клочки и выбросил.

На другой день после уроков я стоял на улице неподалеку от 135-й школы. Минут через пятнадцать из ворот вышла Алина. Она шла в мою сторону, глубоко задумавшись. Меня она заметила, когда нас разделяло всего несколько шагов. Она замерла на месте, а я стоял и глядел прямо на нее. Минуту спустя она быстро пошла вперед, споткнулась и заторопилась еще больше. Я подождал немного. Потом подбежал к ней и дал ей пинка. Алина обернулась. Видимо, такого она не ожидала. Потрясенная, она уставилась на меня. Потом зашмыгала носом. Пробежав несколько шагов, она обернулась.

– Ах ты, хам! Мерзавец ты этакий! – кричала она. – Увидишь, мои друзья покажут тебе, запомнишь!

На третьем «ты» она расплакалась и дальше говорила всхлипывая, что было очень смешно. Постояв с минуту, она побежала. Она убегала от меня, боясь, как бы я снова не пнул ее или не ударил. Но я отомстил, и мне этого было достаточно.

А вот почему я побежал вслед за ней, я сам не знаю. Я не старался ее догнать. Приблизившись к ней, я замедлял шаг. Я не знал, что стал бы делать, если бы догнал ее. Прохожие оглядывались на нее. Какой-то мужчина попытался ее остановить. Наверное, спросил, не нужна ли его помощь. Она вырвалась и понеслась дальше.

Время от времени она оборачивалась. Видя, что я бегу за ней, она начинала плакать еще громче и пыталась бежать

быстрее, но у нее это плохо получалось. Вероятно, она порядком устала. Добежав до аллеи Мицкевича, она пересекла мостовую, не обращая внимания на машины, и скрылась в Краковском парке. Я тоже перебежал через улицу и стал озираться по сторонам. Тут мне вспомнился фильм о преступнике, который убил женщину на сексуальной почве. Этот эротоман точно так же оглядывался по сторонам, когда упустил свою жертву из вида. При этом у него было ужасающее выражение лица. Я испугался, не похож ли я на него. Все показалось мне омерзительным. Пинок, погоня, я сам.

Алина сидела неподалеку на скамейке. Она положила руки на спинку скамьи и уткнулась в них головой. У нее вздрагивали плечи. Я подошел к ней. Под ногами поскрипывал гравий. Она не шелохнулась. Я наклонился и стал гладить ее по голове. Берета на ней не было. Она крепко сжимала его в руке. У нее еще сильнее начала вздрагивать спина, и, не поднимая головы, она сказала:

– Ты отвратительное чудовище! Ты дикарь! Если бы ты знал, как я тебя ненавижу!

Я сел на скамейку, она повернулась ко мне и схватила меня за лацканы. Потом положила голову мне на грудь и прикрыла ее полою моего пиджака.

Я почувствовал, что теперь уже не похож на убийцу-эротомана.

Любовь была для меня чем-то совершенно новым. До этого меня занимали только спорт и учение, поскольку мне

необходимо было обрести самостоятельность. Теперь я оказался в положении человека, который до этого, не имея никакого отношения к деньгам, вдруг получил назначение на пост директора банка. У нас в стране случаются подобные вещи. Поэтому они кончаются так же печально, как моя любовь.

Прошло немного времени, и Алина начала гулять с другим парнем. Его звали Артур Вдовинский, он был сыном журналиста и считал, что это обязывает его демонстрировать свои хорошие манеры.

Однажды я случайно встретил их в Краковском парке, неподалеку от той скамейки. Они шли, держась за руки. Первой меня заметила Алина. Она отпустила руку Артура и толкнула его в плечо. Он замедлил шаг. Я остановился и загородил им дорогу. Не знаю, зачем я это сделал. Я хотел с презрением пройти мимо них и не подозревал, что во мне столько злости. Алина глядела на меня с таким выражением, как тогда, когда я ее ударил. У нее дрожали губы. У него тряслись руки. Я решил съездить ему по физиономии. Один раз, но с достоинством. Однако в его глазах я увидел, кроме страха, решимость драться со мной. А я тогда был чемпионом Польши среди юношей в полутяжелом весе. Его отчаянность вызвала мое уважение. Я сплюнул ему под ноги и удалился. За спиной я услышал плаксивый голос Алины:

– Это страшный хам. Пойдем, Артур. Ты не представляешь себе, что это за хам.

Я подумал, может, вернуться и сорвать у нее с головы берет? Но мне расхотелось что-либо делать.

С тех пор у меня комплекс на почве беретов. Стоило мне встретить девушку в берете, надетом набок, как меня подмывало подойти к ней и сорвать его с головы.

Артур был предприимчивым парнем. Он сделал с Алиной то, что мне в пору возвышенной первой любви казалось святотатством. А добившись своего, бросил ее.

Впоследствии я часто встречал его. Он был театральным режиссером. И успешно делал карьеру. О нем говорили и писали. Он снабжал меня контрамарками. И хотя театр нагонял на меня скуку, контрамарками я улаживал с Агнешкой разного рода размолвки. Артур мне нравился. Он был образован и остроумен.*

Как-то заговорили о прошлом.

– Послушай, ты действительно стал бы драться, если бы я ударил тебя?

Вопрос был так наивен, что мы оба расхохотались.

– С ума ты сошел, – сказал он. – Я страшно перепугался. Стоило тебе только замахнуться, и я удрал бы без оглядки. – Потом он добавил: – Она любила тебя, а не меня. Когда ты ушел, она заплакала. Мы собирались пойти в кино, но она убежала домой.

Все это было так наивно, что мы опять рассмеялись.

Говорили, что Алина, когда ее бросил Артур, начала пить. Будто бы стала захаживать в «Феникс» и шилась там с кем

попало. Я не испытывал от этого удовлетворения. Мне было досадно. Этого бы не случилось, если бы она не бросила меня ради Артура.

На самом деле все было не так. Не Алина бросила меня, а я ее. И из-за меня она пошла по рукам.

Человек хочет, чтобы события развивались в благоприятном для него направлении. Действительность он игнорирует. Бывает глух к ее требованиям, если действительность не преподносит ему того, что его интересует и дает ему удовлетворение. Сколько труда и усилий затрачивает он, чтобы придать реальным фактам нужную ему видимость. И самым надежным подспорьем в этом является короткая память.

Отдельные факты в истории моей первой любви соответствуют истине. Но в действительности все обстояло иначе.

Любовь захватила меня врасплох как нечто совершенно неведомое. Я не мог с нею сладить. Не знал, какое место отвести ей среди остальных дел. И с пылом дебютанта все приносил в жертву любви. Кроме любви, меня ничего не интересовало. Я пылко демонстрировал свою жертвенность, делился сокровенными мыслями. А этого не надо делать. Это вызывает горечь и разочарование.

Два существа, которых соединила любовь, не могут стать совершенно одинаковыми. Будто любовь делает людей одинаковыми – безумная выдумка женщин, пробавляющихся литературой. Жертвуя всем и исповедуясь во всем, ты претендуешь получить в ответ точно то же и отвергаешь право

другого иначе реагировать на те же самые чувства.

Я любил Алину, а она не давала мне повода думать, что не любит меня. Но во мне с каждым днем росло беспокойство. Мне казалось, что Алина не ценит мою любовь. Она сохранила свою индивидуальность, а я свою потерял, и это рождало во мне бунт. Я чувствовал себя обделенным. Я все меньше верил ее чувствам, мои же собственные перерастали в неприязнь. Я поверил в ее любовь лишь тогда, когда моя собственная любовь угасла. Тогда меня охватил ужас. Не оттого, что моя любовь угасает, а оттого, что ее продолжается. Теперь я не мог пожаловаться на недостаток чувства любви, ее был переизбыток. Я жаждал независимости. Я был измучен. Мне хотелось снова быть самим собой. Я мечтал только об этом. Я нес моральную ответственность за то, что у нее произошло с Артуром. Я мечтал избавиться от Алины. Когда мне это удалось, я принялся лгать самому себе. Я считал себя покинутым, подло обманутым. А потом, перебирая в памяти события, я выхватывал только те, которые отвечали моей ложной концепции. Я чуть было не дал в зубы Артуру, который невольно оказался моим союзником.

Когда Алина якобы пошла по рукам, я окончательно уверовал в собственную ложь и с чистой совестью мог сожалеть, что она так низко пала.

На самом деле Алина вовсе не пошла по рукам. Я встретил ее много лет спустя. Она выглядела великолепно. Лучше, чем тогда. Мы с ней зашли посидеть в «Варшавянку».

– Я рада тебя видеть, – сказала она, – так редко удается встретить старых друзей. Я живу в Новой Гуте. Ты совсем не изменился.

У нее действительно была тяжелая полоса в жизни, но люди, как водится, преувеличивали. Она стала химиком. В настоящий момент не работает. Вышла замуж, муж ее инженер на металлургическом комбинате в Новой Гуте, у нее двое детей.

– Мне бы хотелось, чтобы ты познакомился с Паролем. У него пунктик на почве спорта. Он боготворит тебя. Во время матча с Англией, когда ты так здорово приложил англичан, он просто спятил от радости. Мне даже неловко было. Хотя все тогда посходили с ума. И я тоже. Но никто не радовался так, как мой Кароль.

«Должно быть, порядочный слюнтяй», – подумал я.

– Когда я сказала, что ты друг моего детства, он умолял пригласить тебя к нам. Приезжай! Увидишь, какой он славный.

– Уж, наверно, не такой хам и чудовище, как я.

Алина улыбнулась. Мне не следовало этого говорить. Я допустил бестактность пространственно-временного характера. Она потрепала меня по щеке и рассмеялась. Мне сделалось грустно. Чувства, которые некогда казались такими важными, теперь сохраняли чисто информационное значение.

Когда-то я говорил Алине, что она моя первая и послед-

няя любовь. Отголоски этих слов снова послышались мне под сводами плохо освещенного кафе. Но они звучали слабо, глухо, почти неразличимо.

Не только ей одной я говорил, что она моя первая и последняя любовь. И всегда говорил правду. Ведь когда любишь, любовь как бы исключает все, что было, и все, что будет.

Эта встреча через столько лет не потрясла меня. А лишь убедила в том, что прелесть первой любви никогда не повторится.

Как-то моя тетка принесла мне конфеты. Ничего подобного я не пробовал в жизни. Я успел съесть только одну конфету. В тот день уезжал брат матери, гостивший у нас, и мать дала ему в дорогу конфеты. Я больше никогда не ел таких вкусных конфет. А может, это были самые обыкновенные конфеты, какие мне не раз случалось есть.

Я с удовольствием пошел бы в гости к Алине и познакомился с ее мужем.

– Тебя видели в «Варшавянке» с какой-то красоткой, – сообщила мне Агнешка через несколько дней.

– Это моя старая знакомая, еще со школьных лет. Она была влюблена в Артура Вдовинского.

Агнешка расхохоталась.

– Брось эти штучки. Ее биография меня не интересует. Ты ведешь себя так, будто я тебе закатываю сцену ревности.

– Я так себя веду?

– Ну а кто, я, что ли?

Я так и не поехал в гости к Алине и ее мужу.

Глава IV

Как-то январским вечером я вышел пройтись без определенной цели. Прогулки без определенных целей опасны. На Рыночной площади я встретил Артура. Он тоже прогуливался без определенной цели. Мы зашли поужинать в ресторан «Вежинек». Немного выпили, и нам стало весело. Ресторан уже закрывался, а нам не хотелось возвращаться домой, и Артур предложил зайти в «Феникс». Мне не улыбалось появляться в «Фениксе» или «Циганерии». Особенно навеселе. Ксенжак однажды уже читал мне по этому поводу мораль. Мне было наплевать на внешние приличия. Но пребывание в ночном кабаре, право, не стоило той удручающей скуки, которая охватывала меня, когда Ксенжак принимался читать мне нотацию. Артур вспомнил, что в Академии художеств бал-маскарад. Мы решили пойти туда. По пути заскочили к Артуру на улицу Святого Яна и распили бутылку виски – подарок немецкого режиссера из «Ансамбль-театра». Артур порядком набрался. В Академии художеств он с ходу подцепил девицу, изображавшую президента Эйзенхауэра, и быстро исчез вместе с нею. Она была завернута в географическую карту США, а на голове у нее высилась прическа а-ля статуя Свободы. К прическе она прикрепила кусочек картона с надписью: «Я – президент Эйзенхауэр». Итак, они исчезли. А я томился в одиночестве. Возвращаться домой не

хотелось, но и оставаться не имело смысла. Я не был пьян. Я никогда не напивался. Во всяком случае, так, как другие. У меня чертовски крепкая голова. На этом маскараде я никого не знал. И не заметил ни одной хорошенькой девушки. По углам жались парочки. Толстый лысый тип наигрывал на рояле попурри из цыганских мелодий и плакал. Все выглядело довольно скучно. Я решил уйти. В вестибюле стояла девушка в восточном наряде. Лицо ее было закрыто, и видны были только глаза. Она стояла перед зеркалом и прихорашивалась. Когда я проходил мимо, она обернулась и посмотрела на меня. Ни разу в жизни я не видел таких больших черных глаз. Я сказал:

– Добрый вечер, вернее, добрый день!

– Спокойной ночи, точнее, всего хорошего, – отозвалась она и повернулась к зеркалу.

Я подошел к ней, обнял и попытался поцеловать. Вообще-то я не очень смел с девушками. Но ночью после возлияний все кажется простым, легким и приятным. Я не рассчитывал на успех и ожидал, что она поднимет крик или даст мне по морде. Такой исход меня не пугал. Ну, будет скандал, и, по крайней мере, я вернусь домой с сознанием, что этой ночью что-то произошло. Поцеловать ее было не так-то просто. Все лицо плотно прикрыто. Куда целовать? Оставались только глаза. Я решил поцеловать глаза, но она отвела голову.

– Лихо вы беретесь за дело, – сказала она.

– Вы дурно истолковали мой жест. Я научный работник, и мне хотелось убедиться вблизи, что это так сияет и вспыхивает – звезды или экзотические бабочки.

– Я хотя и не научный работник, но вижу, что передо мною форменный осел. Отойдите и не заслоняйте мне зеркало.

Я отошел. Она разглядывала себя с интересом. Казалось, она совершенно забыла о мо присутствии.

– Не могли бы вы на минуточку убрать эту завесу и показать свое лицо?

– Нет!

– Почему?

– Может быть, я дурнушка и у меня красивы только глаза?

– Этого не может быть.

– Ну а если я не безобразна, но вам не понравлюсь?

– А для вас важно мне понравиться?

– Это для меня вопрос жизни и смерти.

– Как вас звать?

– Йовита. А вас?

Я не ответил. Произносить вслух свое имя всегда казалось мне детски наивным.

– Ну?

– Не скажу. Вы скрываете лицо. Я скрою свое имя.

– Хорошо. Я буду называть тебя Родриго. Родриго, женись на мне.

– С удовольствием.

Она отвернулась от зеркала, взяла меня под руку и повела к громадному окну. Мы уселись на подоконнике. Своими темными светильниками она стала водить по моему лицу, словно пытаясь на нем что-то отыскать. У меня мурашки побежали по спине. Наверно, нечто подобное чувствовал Ромео, впервые увидев Джульетту.

– Родриго! Поклянись, что никогда меня не бросишь.

– Клянусь тебе, Джульетта… То есть я хотел сказать – Йовита.

– Джульетта? Какая еще Джульетта?

– Ну, Джульетта… Я забыл ее фамилию. Кажется, на К.

– Значит, у тебя кто-то есть. Ты меня обманываешь?

– Нет, нет! С Джульеттой покончено. С той минуты, как я увидел тебя, все красавицы мира для меня самые заурядные доярки.

– О, в наше время не стоит пренебрегать доярками.

– Ну, тогда коровы.

– Коровами тоже не следует пренебрегать.

– Тогда бараны.

– В самом деле?

– Клянусь тебе звездами твоих очей.

Йовита задрала голову и принялась болтать ногами.

– Ужасно скучно на этом маскараде, правда?

– Теперь нет.

– А мне скучно. Ты ведь не весельчак, Родриго. Попробуй развеселить меня.

Я обнял ее и прижал к себе. Она не сопротивлялась, но и не поддавалась. Она продолжала болтать ногами.

– То, что ты делаешь, тебе кажется безумно веселым занятием?

– Скажи, Йовита, тебя никогда не били?

– Ни разу в жизни. А тебе очень хочется меня избить?

– Да. Очень. И я это сделаю, если ты не скажешь, что любишь меня.

– Я не люблю тебя, Родриго. Но чувствую к тебе уважение и привязанность. Но это ведь не любовь.

– Солги, но скажи, что любишь.

– Вот еще! Можешь избить меня.

Я выпустил ее из объятий.

– Оденься как человек и пойдем.

– Куда?

– Ко мне. У меня веселей. И сам я дома гораздо веселее.

– Родриго, что ты мне предлагаешь?

– Ничего плохого. Приготовишь мне завтрак, а потом мы будем смотреть в окно. Из моего окна виден курган Костюшки.

– Никуда я не пойду. Избей меня.

– Не будем терять времени. Я хочу позавтракать, а потом вместе с тобой глядеть на курган Костюшки.

– Не будет никакого завтрака. Ты хотел меня побить.

– Я отколочу тебя дома.

– А я хочу здесь.

Я снова схватил ее и крепко стиснул в объятиях. Стиснул так крепко, что она принялась пищать и вырываться.

– Хватит. Отпусти меня, грубиян!

– Женщины часто называют меня грубияном. Но я не знаю, что это такое.

– А тебе хотелось бы им быть? Прикидываешься грубияном, но у тебя это не получается. Ты пал в моих глазах. Я больше тебя не люблю.

– Ага, призналась.

– Призналась, что не люблю тебя.

– Значит, любила.

– Это было давно. Потом между нами встала Джульетта.

– С Джульеттой у меня ничего не было. И вообще все это вздор! Никакой Джульетты не существовало.

Йовита обняла меня за шею и положила голову на плечо.

– Ох, Родриго! Я чувствую, что могла бы быть с тобой счастлива.

– Я и так уже счастлив.

Я сказал это искренне. И тотчас же спохватился, что у меня слишком искренний тон. Испугался, что нарушил какие-то правила игры и все испортил. И я поспешил прибавить:

– Увы, счастье нам не суждено. У меня жена и четверо детей. А отец жены заведует отделом в некоем министерстве, и он уничтожит нас, если узнает, что я хочу бросить его дочь.

Йовита соскользнула с подоконника.

– Пошли, – сказала она. – Пошли отсюда.

– Куда?

– Безразлично. Надо позавтракать. Можно пойти к тебе или в молочный бар. А лучше всего – ко мне. Из моего окна тоже виден курган Костюшки.

– Ну, тогда пошли.

– А кроме того, дополнительное удовольствие. Я живу с подругой, и она готовит завтрак лучше меня.

– А что будет на завтрак?

Я, конечно, был разочарован, узнав про подругу. Но не подал вида. Я видел, она следит, как я к этому отнесусь.

– Все, что захочешь. Ну, я бегу переодеваться. Жди меня у подъезда.

Она побежала по коридору и исчезла в темноте. Исчезла как сон. Я знаю, что это банально. Но обстоятельства иногда оправдывают самые ужасные банальности. Меня не очень огорчила ее подруга. Мне было безразлично, в какой компании я буду, лишь бы быть с ней.

Я долго ждал у подъезда. Часа два. А может, больше. Гости расходились повеселевшие. Они смеялись и покрикивали. Хмурый, расстроенный, я выглядел, должно быть, пикантно, и девушки улыбались мне и даже пытались заигрывать со мной.

Стало совсем светло. Я поплелся домой. Видно, она удрала черным ходом. Подшутила надо мной.

Я проснулся в полдень. С минуту соображал, не присни-

лось ли мне все, что произошло вчера. Потом схватил телефонную трубку и набрал номер Артура. Он ответил мне заспанным голосом.

– Я тебя разбудил?

– Вроде этого. Ничего.

– Прости. Что с Президентом?

– С Президентом? Ах, с Президентом? Президент готовит на кухне завтрак.

– Завтрак? Ну тебе повезло.

– Приходи, позавтракаем вместе.

– Нет, мне сейчас не до этого, Артур. У меня к тебе важное дело.

Он, наверно, заснул, так как ничего не ответил.

– Артур! – крикнул я.

– Что случилось? Ах, это ты. Прости. Я на минуту задремал. Знаешь, мы решили с ним пожениться.

– С кем?

– С Президентом.

– Ну да?

– Да, да… Сейчас, дорогая, сейчас. Я разговариваю с приятелем… Ну, что? Как ты вчера повеселился?

– У меня к тебе просьба.

– Ну?

– Очень важная просьба.

– Ну, ну?

– Твой Президент учится в Академии художеств?

– Подожди минутку, сейчас выясню.

Он отложил трубку.

– Да, – сказал он через минуту. – Президент говорит, что учится на третьем курсе.

– Артур, умоляю тебя, выясни, кто был вчера на маскараде в костюме турчанки.

– Турчанки?

– Турчанки, магометанки, одним словом, в восточном наряде, так что видны были только одни глаза.

– Ага. А тебе хотелось увидеть нечто большее, но ты не успел. Подожди.

Он снова положил трубку.

– Она говорит, что пришла под газом, а там еще поддала. И не помнит, кто во что был одет. Если хочешь, она завтра выяснит.

– Умоляю тебя!

– Будь спокоен. Завтра я тебе позвоню.

– Еще раз извини, что разбудил тебя.

– Ничего. Все равно пора вставать. До завтра. Спокойной ночи.

На другой день я не пошел на работу. Позвонил и сказал, что у меня грипп с осложнениями. Мне не хотелось уходить, не дождавшись звонка Артура. Я боялся, что он вообще не позвонит. Выспится и будет думать, как быстрее избавиться от Президента. К пяти часам я потерял всякую надежду. Минут через десять зазвонил телефон.

– Марек! Президент разыскал твою арабку.

– Не может быть!

– Сейчас удостоверишься. Они условились встретиться в шесть в гостинице «Французской». Ее зовут Мика. Приходи.

Он положил трубку. Я в волнении ходил по комнате и думал: неужели я мог оказаться таким идиотом. Втюриться до потери сознания в девушку, поговорив с ней пятнадцать минут и даже не видев ее лица, и которую в довершение ко всему зовут Мика. Но именно так оно и было. Я принял душ, побрился и смазал волосы бриллиантином. Им меня снабдила До-рота. А ей подарил его влюбленный итальянский дискобол. Ему очень хотелось что-нибудь ей подарить, а все дамские сувениры он успел раздать. Я уже был в пальто, когда снова зазвонил телефон. Я испугался, не отец ли это, и решил не подходить к телефону. Но потом все-таки подошел. Это ведь мог быть Артур с какой-нибудь новостью. Но звонил все-таки отец. Разумеется, пьяный. Он бубнил в трубку, что я самый любимый его сын. Будто у него были другие сыновья. Я знал, ему нужно сто злотых. Я сказал, что оставлю сто злотых у дворника, и повесил трубку. Полнейшее разложение буржуазной семьи!

Я увидел Артура с Президентом еще из гардероба. Девушка рядом с ними сидела ко мне спиной. Я сознательно раздевался не спеша. Вошел небрежной походкой, споткнулся о завернувшийся угол ковра, но она этого не заметила.

– А, Марек, какими судьбами! – окликнул меня Артур и

подмигнул.

Девушка повернулась. У нее оказались редкие белесые волосы, анемичная кожа и светло-голубые глазки. Артур и Президент выглядели смущенными, но прикрывали это напускной веселостью. Конечно, это была не Йовита. Я не видел лица Йовиты, но видел глаза, и ошибка исключалась. Эта девушка еще и шепелявила. Она говорила не умолкая, и все, что она говорила, было глупым и банальным. Подчас трудно было понять, о чем идет речь. То она рассказывала о соседском щенке, который все время лает. То, что этажом ниже живет акушерка, которая ненавидит детей, и на этой почве вспыхивают постоянные ссоры. Я думал, она оговорилась, и акушерка ненавидит собак. И переспросил ее. Но она подтвердила, что акушерка ненавидит детей. Казалось, ее оскорбила моя реплика. Потом она говорила вперемежку о собаках, детях и акушерке. Ничего нельзя было понять. Я отозвал Артура в сторону. Артур не глядел мне в глаза.

– Артур, – сказал я, – произошла трагическая ошибка.

Он с облегчением вздохнул.

– Я подозревал, что тут что-то не так, но не хотел ранить твоих чувств.

– Президент напортачил.

– Президент не напортачил. У нее был точно такой восточный наряд, какой ты описал. А может быть, ты… Нет. Это невозможно.

– Ты думаешь, я до того упился, что перестал различать

что к чему? Нет, мой милый. У той были изумительные черные глаза.

– Знаешь… после пол-литра могут привидеться самые необыкновенные глаза.

– Да. Но голос. И эта болтовня!

– Ты прав. Ошибки быть не может даже после целого литра.

– Артур! В таких костюмах были две девушки.

– Возможно! Президент остановился на первой. Я заставлю ее завтра разыскать другую. Знаешь, я решил жениться. Через месяц – свадьба.

Артур время от времени обещал очередной девице жениться на ней. Он верил, что выполнит свое обещание. Иногда он носился с этой идеей недели две, иногда больше.

– Артур, как мне тебя отблагодарить?

– Ерунда. Будешь проходить мимо Мариацкого костела, загляни туда и помолись за меня. А сейчас смывайся. Я понимаю, тебе тяжело глядеть на эту скучную самозванку. Я извинюсь за тебя, скажу, что ты внезапно заболел. Ну, иди, иди, и пусть тебе всю ночь снятся глаза твоей бедуинки.

Мне всю ночь снилась Йовита. Через два дня позвонил Артур.

– Марек! Мне очень жаль, но Президент произвел тщательное расследование и выяснил, что другой девушки в костюме баядерки не было.

– Быть этого не может!

– Марек! Примирись с мыслью, что тебе это привиделось. Нет, нет! Я не думаю, что ты мог флиртовать с Микой. Просто ты заметил издали этот костюм, он произвел на тебя неотразимое впечатление, и ночью тебе приснилась Шехерезада.

– Клянусь тебе, это был не сон.

– Марек! Умоляю тебя, забудь об этой истории и вернись к нормальной жизни. Я тебе говорил, что собираюсь жениться на Президенте? Но, знаешь, я уже стар для подобных экспериментов. До скорой встречи.

Да, загадочная история. Но от этого мне было не легче. Я не мог забыть глаз Йовиты. Я страдал. Жизнь мне опостылела.

Глава V

На следующей неделе был банкет по случаю пятидесятилетия нашего спортклуба. Идти не хотелось, но отвертеться я не мог. В едва освещенном зале было темно и нудно. Я один раз станцевал с Доротой. Она выглядела прелестно.

– Дорота, как это тебе удается быть такой красивой?

Дорота нахмурила брови и с минуту молчала.

– Не знаю, – сказала она. – Ты задал мне загадку. Я никогда не задумывалась над этим.

С Дорогой не все было ясно. Иногда мне казалось, что она дурачит нас.

Потом я танцевал с Хеленой, женой Ксенжака. Из уважения к нему. Разговаривать нам с Хеленой было не о чем. Она считалась красавицей. Каждый танцевал с ней по очереди. Не потому, что она красавица, а из уважения к Ксенжаку. Она это понимала и дулась. Она предпочла бы развлечься не как жена Ксенжака, а просто как Хелена, Чтобы сказать что-нибудь, я спросил: «Тебе весело, Хелена?» Она состроила гримасу и пожала плечами. Танец кончился, и я поцеловал ей руку. Она поглядела мне в глаза, улыбнулась и неожиданно потрепала по волосам. Потом повернулась и пошла к своему столику. Я шел за ней и ломал голову, что мог означать этот жест. Расходившийся Ксенжак разбрасывал серпантин.

– Ну что, Марек? Весело, а? Правда? – сказал он.

Я поклонился Хелене. Она кивнула мне в ответ. Она продолжала дуться. Я пошел в буфет. И думал о Йовите. В буфете был только лимонад да десертное вино. У меня в кармане имелась плоская фляжка с водкой. Я отправился в туалетную комнату, чтобы хлебнуть глоток. Там набилось много ребят. И каждый прикладывался к плоской фляге. Если бы в буфете продавали водку, никто не выпил бы больше двух-трех рюмок. Среди нас не было алкоголиков. Пожалуй, я употреблял больше других. Я думал о том, как понимать жест Хелены. Мы говорили о наших футболистах. О том, что они, вероятно, вылетят из первого класса. В секции царит беспорядок. Артур Вдовинский, левый полузащитник, жаловался, что систематически не платят командировочных. Он был слесарем и не имел ничего общего с тем Артуром. Вошел Мигдальский. Он никогда не брал в рот ни капли спиртного. Но враждебная борьбе с алкоголизмом атмосфера в туалете очаровывала. Он явился сюда с бутылкой лимонада, и мы его выставили. Все это мы делали просто от скуки. Даже Артур про командировочные, пожалуй, просто приврал. Кто-то предложил пойти в «Феникс». Но было неудобно уходить отсюда так рано. Впрочем, тащиться в «Феникс» никому не хотелось. Я еще несколько раз приложился к фляжке. Мне стало тепло и приятно. Я вернулся в зал. Меня все еще мучил вопрос, как понимать странный жест Хелены. Вдруг я остановился и хлопнул себя по лбу. Хелена – это Йовита. Ясно как день. Иногда она выкидывала номера. Не ска-

зав никому ни слова, она могла отправиться на маскарад в Академию художеств. Я поспешил к столу, за которым сидели супруги Ксенжак. Над тем, что я сделаю, когда подойду к ним, я не задумывался. Но на полпути я остановился. Какой я осел! У Хелены – голубые глаза. У меня отлегло от сердца. Но почему Хелена так странно вела себя после танца? Просто у нее было плохое настроение. И она не хотела, чтобы я истолковал это как пренебрежение к себе. А я вообразил невесть что. Хорошо, что Хелена – не Йовита и ее жест ничего не значил. Хорошенькая получилась бы история, подойди я к ним. Зато я впервые заметил, что Хелена действительно красивая, Раньше я просто воспринимал это как общепринятое мнение. Я оглядывался по сторонам. Зал был декорирован неплохо. Возникала атмосфера гармонии и уюта. Кто это сделал? Они хотели, чтобы это выполнил я, но мне удалось отвертеться. Случай на маскараде не давал мне покоя. Я думал о том о сем, а на самом деле – только о Йовите. Случай на маскараде. Кажется, есть такая поэма или музыкальное произведение. А может, я ошибаюсь. Во всяком случае, звучало это лирически. Вообще-то я старался не поддаваться минутным настроениям. Но иногда это бывает приятно. Тоже своего рода игра. Человек притворяется, что он это не он. Или более веселый, или более грустный, одним словом, не такой, как на самом деле. Своего рода отдых от повседневных забот. Как во время путешествия. Я заметил, что для многих путешествие – это игра. Они как бы бе-

рут отпуск у самих себя и прикидываются перед дорожными спутниками, которые ничего о них не знают, кем-то другим. Неведение попутчиков – гарантия успеха в подобной игре. И вот в гимнастическом зале, превращенном в танцзал, я почувствовал себя вдруг кем-то другим. Кем именно, я не задумывался. Да это и не имело значения. Главное, я не был самим собой. Какое это облегчение! Правда, обстановка не была идеальной. Меня здесь все знали, как облупленного. Знали даже незнакомые, которых пригласили члены клуба. И это омрачало радость. Портило игру. Я решил незаметно улизнуть. Скучно и нельзя отдаться ощущению, что ты – это не ты. На худой конец можно бы позабавиться с Доротой. С ней мне никогда не было скучно. Но к ней прилип представитель Центрального комитета физкультуры и спорта и не отступал от нее ни на шаг. Возле буфета стоял Леон Козак с какой-то девушкой. Леон был баскетболистом. Рост Леона сто девяносто семь сантиметров. На девушку я не обратил бы внимания, если бы однажды в Закопаном Леон не отбил у меня чешскую спортсменку. Она меня мало занимала, просто я сейчас вспомнил об этом. Может, от скуки. Леон отошел на другую сторону буфета. Оркестр заиграл вальс. Вальс я не любил, но быстро подошел к девушке и пригласил ее танцевать. Я боялся, что она откажется и Леон это заметит. Но она мило улыбнулась, и мы начали танцевать. Я даже не разглядел ее. Я следил за Леоном. Он шел с двумя бокалами вина, умильно улыбаясь и не замечая ничего вокруг. Он сле-

дил только за тем, как бы не расплескать вино. И лишь дойдя до того места, где только что стоял с девушкой, Леон поднял голову и удивленно осмотрелся. Увидев нас, он сердито поджал губы. Я поклонился ему. Он сделал нетерпеливый жест, но, видно, вспомнив чешскую спортсменку, погрустнел и поставил бокалы на столик. Особой интеллигентностью он не отличался, но надо отдать ему должное: понимал, что такое спортивный азарт.

– Почему вы улыбаетесь? – спросила девушка.

– Я?

– А кто же?

Я взглянул на нее. Она была красива. И главное, у нее были карие глаза. Не такие огромные и черные, как у Йовиты, но большие и темные.

– Потому что мне приятно танцевать с вами.

– Глупый.

– Я?

– А кто же?

– Почему глупый?

– Наверное, родились таким.

– Вы на меня за что-то сердитесь?

– Да, сержусь.

– За то, что я отбил вас у этого верзилы?

– Нет. Я вообще сегодня злая. Я уже два дня злюсь.

– Почему?

– А вам-то что? Это мое личное дело.

– Вы сами заговорили об этом.

– Нет, вы.

– Я?

– Ну а кто же?

Красивая, но ведет себя, как дура. А я терпеть не могу дур, даже самых красивых. Впрочем, на дуру она не похожа и на чувиху, пожалуй, тоже. У нее были коротко остриженные светло-каштановые волосы, небрежно зачесанные за уши и немного растрепанные. Пожалуй, умышленно. Когда она говорила, на щеках появлялись ямочки, и это придавало ей детскую непосредственность. Красота ее не бросалась в глаза, и, если бы не Леон Козак, я не обратил бы на нее внимания. По совести говоря, чудо-красотки немногого стоят: посмотришь на них, и сразу все ясно. По-настоящему ценишь красоту, которую познаешь постепенно, после каждой встречи открывая в ней что-то новое. У девушки, с которой я танцевал, мне больше всего нравились глаза. Они напоминали глаза Йовиты. Но между ними была существенная разница. У Йовиты глаза глубокие, таящие в себе нечто загадочное. У этой девушки глаза ничего не таили. Она глядела на меня без всякого выражения, и даже чепуха, которую она несла, не отражалась в ее взгляде.

– Почему вы молчите? – спросила она. – Вам со мной скучно? Если вам не хочется, мы можем больше не танцевать.

Я мечтал об этом, потому что не терпел вальса. Играли

его невыносимо долго. Казалось, ему конца не будет.

– С какой стати? Я счастлив, что танцую с вами. Я молчал, размышляя, почему вы назвали меня глупым.

– Простите, если я вас обидела. А вы такой обидчивый?

– Я не обидчивый. Просто мне интересно, что вы имели в виду?

– Разве всегда надо что-то иметь в виду? Я сказала просто так. А вы кто?

Она не знает, кто я? Ну что ж, можно развлечься.

– Я инженер из Новой Гуты.

– И спортивный болельщик?

– С чего вы взяли? Спорт меня не интересует.

– Чего же вы тут делаете?

– Я любитель вырезать фигурки из бумаги. Это мое хобби. А доктор Плюцинский, председатель здешнего клуба, который лечил меня от печени, попросил меня украсить зал.

– А что такое «хобби»?

– Как? Вы не читаете «Пшекруя»?[2]

– Конечно, читаю. Ага, знаю. Это такая мания, да?

– Что-то вроде этого. А у вас есть хобби?

– Не знаю. Я собираю фотографии кинозвезд. Это хобби?

– Да. Типичное хобби. А чем вы вообще занимаетесь?

– Я легкоатлетка.

– Что вы говорите? Очень приятно. Первый раз так близко

---

[2] «Пшекруй» («Обозрение») – популярный иллюстрированный еженедельник, выходящий в Кракове.

вижу настоящую, живую спортсменку.

– Тут прямо в глазах рябит от них.

– Я только что пришел. По обязанности. Доктор Плюцинский попросил меня последить за оформлением зала. А еы член этого клуба?

– Да. Я прыгаю с шестом.

– Что вы говорите? И высоко?

– По-разному. Иногда беру семь метров. Иногда восемь.

– Невероятно!

– Что же тут такого?

– Я не взял бы и пяти метров.

– А вы попробуйте. Надо только как следует оттолкнуться от земли и перебирать в воздухе ногами.

– Конечно, если иметь такие ноги, как у вас.

– А вам бы только плоские комплименты отпускать. Думаете клюну? Как бы не так! Вы мои ноги и разглядеть-то не успели!

Я не знал, что ответить, да и отвечать не хотелось. А вальс все не кончался. Неподалеку танцевал доктор Плюцинский. Он был в отличном настроении и метнул в нас конфетти.

– Берегись, Агнешка! – крикнул он. – Смотри, как бы этот Казанова не вскружил тебе голову. Арене, почему ты вздумал соблазнять именно мою племянницу? Агнешка, почему у тебя такой глупый вид? Ты что, никогда не танцевала с известным спортсменом?

– Пожалуй, да, – невыразительно ответила Агнешка и от-

вернулась.

Мы долго танцевали молча.

– О чем вы так напряженно думаете? – спросила она наконец.

– О том, кто же я, собственно, такой? Я совсем запутался.

– Все очень просто. Вы – известный спортсмен. А я племянница доктора Плюцинского. Но с таким же успехом вы могли бы быть инженером из Новой Гуты, который ничего не смыслит в спорте, а я – легкоатлеткой.

– Правильно. Не кажется ли вам, что это обязывает нас выпить на брудершафт?

– Пить это отвратительное десертное вино? Нет. Я специально пошла с вами танцевать, чтобы не пить с тем верзилой.

– Мы найдем что-нибудь получше. Только бы этот проклятый вальс поскорее кончился.

– Вам так тягостно со мной танцевать? Какой же вы глупый.

– Я?

– Ну а кто же?

Агнешка остановилась.

– А я тоже не люблю вальс, – сказала она. – Пойдемте посидим где-нибудь.

Я соображал, где можно было бы с ней выпить? Вспомнил про кладовую спортинвентаря. Она находилась в коридоре, который вел к гардеробной и душевой. Кладовая, разумеется, была заперта, но возле нее стоял завклубом Цыпрысяк

и пил из плоской фляги. Заметив нас, он смутился. Разлил водку и принялся вытирать подбородок.

– Пан Цыпрысяк, – сказал я, – дайте на минуточку ключ от кладовой.

Цыпрысяк запихивал фляжку в задний карман. Сконфуженный, что его застигли на месте преступления, он сделал вид, что смущен моей просьбой.

– Марек, мне очень неприятно. Но вы же знаете, что это запрещено. – Он наклонился ко мне. – Неужели вам для этого нужна кладовая?

Я махнул рукой.

– У вас только одно на уме! – воскликнул я. – Сочувствую вашей жене. К счастью, эта дама не понимает по-польски. Она представительница американского Олимпийского комитета. Я хочу показать ей наш клуб.

Я решил рискнуть и сказал Агнешке несколько слов по-английски. Как-то во время спортивной встречи в Лондоне меня разозлило, что я не могу поговорить с англичанами, и я стал изучать английский язык. Агнешка ответила мне довольно бойко. На Цыпрыся-ка это произвело впечатление. В Олимпийский комитет он, правда, не поверил и остался при своем мнении. Но что моя спутница – американка, поверил. А гостеприимство поляков по отношению к иностранцам безгранично. Он достал из кармана ключ.

– Я вас очень прошу, Марек, как только эта пани осмотрит наш спортинвентарь, тотчас верните мне ключ.

– Будьте спокойны.

– Я не могу быть спокойным. От таких представительниц Олимпийского комитета можно всего ожидать!..

Мы вошли в кладовую. Агнешка взяла с полки скакалку и начала прыгать. Она делала это с обаянием девочки, резвящейся в парке.

– Откуда вы так хорошо знаете английский?

– Где там хорошо! Я беру уроки английского языка, так как собираюсь в Соединенные Штаты.

– На соревнования по легкой атлетике? Прыгать с шестом?

– Нет, у меня там дядя. Он пригласил меня.

– У вас богатый выбор дядюшек.

– Это брат доктора Плюцинского. Он эмигрировал еще до войны. Сейчас он живет в Нью-Йорке и занимается коммерцией.

– Мы намеревались выпить.

Я извлек из кармана флягу.

– В самом деле.

Она положила скакалку и вспрыгнула на козла. Я встал возле нее и протянул ей фляжку. Она сделала приличный глоток и даже не поморщилась.

– Для спортсменки вы пьете недурно.

Я отхлебнул тоже. Она улыбнулась и слегка ударила меня скакалкой по спине.

– Может, вы как-нибудь заглянете на спортплощадку и по-

пробуете прыгнуть с шестом?

Мы оба рассмеялись.

– Чего ради вам пришло в голову выдавать себя за легкоатлетку?

– А почему вам захотелось выдать себя за инженера из Новой Гуты?

– Не знаю. Просто так, от скуки.

– И я тоже от скуки. Но вы мне поверили.

– Вот уж нет! Во-первых, я знаю всех легкоатлеток в Кракове, во-вторых, даже если я их не знаю, они меня знают.

– Предположим, я могла оказаться начинающей спортсменкой, которую никто не знает, и она никого не знает.

– Предположим. Но, в-третьих, женщины не прыгают с шестом.

– Что вы говорите! Какая жалость!

– Мне тоже очень жалко. Это было бы потрясающее зрелище! А вот вы поверили, что я инженер из Новой Гуты, у которого больная печень и который любит вырезать фигурки из разноцветной бумаги.

– С чего вы взяли!

– А я вам не верю.

– Придется поверить. Ведь зал оформляла я.

– Гм… Да! Мы, кажется, хотели выпить на брудершафт!

Она протянула руку. Отхлебнула порядочный глоток и вернула мне фляжку. Я наклонился, чтобы ее поцеловать. Она подставила щеку, но я поцеловал ее в губы. Сначала роб-

ко, а потом все крепче и крепче. Она тихо мурлыкнула, что означало и одобрение и протест. Потом легонько оттолкнула меня и соскочила с козла. Мы стояли и смотрели друг на друга. Я хотел снова поцеловать ее. Я знал, она ждет этого и теперь уже не оттолкнет меня. Вдруг меня осенило.

– Значит, это ты украсила зал?

Мой вопрос ее удивил. Опершись о козла, она поправила прическу.

– Да, я. Ты не веришь?

– Нет, верю. Так ты художница?

– Твоя способность сопоставлять факты восхищает меня.

– Ты кончила Краковскую академию?

– Я учусь на последнем курсе. А ты что, всегда интересуешься анкетными данными каждой девушки, с которой целовался?

Она старалась не показать, что обиделась.

– Ты была на последнем маскараде?

– Нет.

– А может, ты знаешь девушку, которая пришла на маскарад в костюме турчанки?

– Откуда я могу знать, кто во что был одет? Меня это не интересует. А в чем дело? Погоди… Погоди… Знаю.

– Ну? – Я ждал с нетерпением.

– Мика. Этой идиотке всегда приходит в голову какая-нибудь глупость. Я знаю, потому что…

– Нет. Это не Мика. Не о ней разговор. А может, ты зна-

ешь Йовиту?

Агнешка запрокинула голову и засмеялась.

– Йовиту? Конечно, знаю. Но Йовита не учится в академии, и она не художница.

Я сообразил, что веду себя глупо, расспрашивая Агнешку о другой девушке.

– Знаешь, – сказал я уже гораздо спокойнее, делая вид, что меня это не очень интересует. – Произошла загадочная история. Как в фильме Хичкока.

Агнешка рассмеялась еще громче.

– Дай-ка глотнуть еще, – попросила она.

Я протянул флягу.

Она отпила глоток, но бутылку не вернула.

– Я все поняла. В этой истории нет ничего загадочного. Сейчас я тебе все объясню.

Но меня больше не интересовала Йовита. И вообще все, кроме Агнешки, меня перестало волновать.

– Потом объяснишь, – сказал я и хотел ее обнять, но она со злостью оттолкнула меня.

– Не будь агрессивным самцом, – сказала она. – Ты мне напоминаешь Курда Юргенса из фильма «Дьявол в шелках». Пошли отсюда.

Она протянула мне фляжку, поправила волосы. Мы вышли в коридор. Там нас ждал Цыпрысяк, который уже начал проявлять беспокойство. Он с облегчением вздохнул, когда я вернул ему ключ.

– Итак, Йовита, – начала Агнешка, – моя близкая подруга…

– Она меня не интересует.

– А разве я утверждаю, что она тебя интересует? Тебя заинтересовала загадка. Это действительно забавно. Сейчас я тебе все объясню. Так вот, Мика…

Мы вошли в зал. В дверях стоял Леон Козак.

– О! – воскликнула Агнешка. – Куда же вы запропастились?

Леон удивился, он считал, что это она куда-то исчезла. Он ничего не сказал, только поклонился, загадочно улыбнувшись.

– Нехорошо оставлять девушку одну. – (По-моему, Агнешка зашла слишком далеко). – На мое счастье, меня опекал благородный Курд Юргенс. Я мечтаю о бокале отличного напитка, которым вы собирались меня угостить. Вы выпьете со мной?

Она взяла его под руку и, удаляясь, бросила мне через плечо:

– Ты ведь еще не уходишь, дорогой? Увидимся позже.

Леон поклонился мне. Я ответил полным достоинства поклоном. Простодушный Леон! Если бы он знал, как мало занимали меня в данную минуту эти наивные штучки. У него было такое выражение лица, словно он забросил мяч в сетку. Ему по-прежнему казалось, что главное для меня – он, а не эта девушка.

В моей голове все перепуталось. Я уж и сам не знал, что меня больше занимает: Йовита, которую я наконец мог разыскать, или Агнешка. Одно было ясно, я хочу быть в обществе Агнешки. А я оттолкнул ее от себя. Кретин, целовать девушку и расспрашивать ее о другой? Агнешка стояла у буфетной стойки и, держа бокал, делала вид, что пьет. Леон ей что-то рассказывал. Она прикидывалась, что ей смешно. Все остроты Леона я знал наизусть. Они не могли развеселить Агнешку. Оркестр заиграл рок-н-ролл. Леон поставил бокал и склонился перед Агнешкой. Он прекрасно танцевал. Гораздо лучше меня. Я должен был это признать.

Я снова отправился в туалетную комбату. Моя фляга почти опустела. Здесь уже никого не было. Допив остатки, я возвратился в танцевальный зал. Леон неистовствовал. Агнешка тоже танцевала прекрасно. Леон проделывал с ней невероятные па. Я боялся, как бы он не забросил ее в баскетбольную сетку. Я не ревновал к Леону. И не был зол на Агнешку. Просто я почувствовал себя страшно одиноким. Именно здесь в эту минуту мне стало совершенно ясно, что я потерпел полное поражение.

Ко мне подошла Дорота. Она держала под руку представителя Центрального комитета по делам физкультуры и спорта.

– Что это ты такой мрачный? – спросила она. – Вы знакомы?

– Что за вопрос! – с энтузиазмом воскликнул представитель комитета. – Кто не знает гордости нашей легкоатлетики!

Вообще-то я был падок на комплименты. Но на этот раз комплимент разозлил меня еще больше. Меня подмывало предложить представителю комитета пойти со мной хлебнуть в туалетную комнату. Я хотел его шокировать, заставив усомниться в воспитательном значении спорта. Но мне жаль было огорчать Дороту. А кроме того, моя фляга уже пуста. Поэтому я только улыбнулся с притворной скромностью.

– Леон-то, как танцует, а? – сказала Дорота.

Я поморщился.

– Да, недурно. Но я ни в чем не люблю крайности.

– Что это за кадр он подцепил?

– Дорота, боже мой, где ты набралась таких словечек?

– От вас и набралась, а что особенного?

Представитель комитета несколько смущенно улыбнулся.

– Пойдемте с нами в буфет, – предложил он, – «чего-нибудь выпьем.

– Благодарю. Но я уже обещал Ксенжакам посидеть с ними за столиком.

– Знаю, знаю. – Дорота погрозила мне пальцем. – Ты хочешь закадрить Хелену. Не удивительно. Она самая стоящая бабенка в этом зале!

Последнюю фразу она ввернула с умыслом, чтобы слегка порисоваться. Дороте казалось, что это импонирует ее спутнику. Тот действительно взирал на нее с восхищением. Не знаю уж благодаря ее словам или же вопреки им.

Я направился к столику Ксенжаков. Я действительно ре-

шил потанцевать с Хеленой. Но на полпути отказался от этой мысли. Мне не хотелось появляться на паркете рядом с Леоном.

Агнешка с Леоном танцевали все танцы подряд. В перерывах пили вино у буфетной стойки. Она делала вид, что пьет. И ни разу не взглянула на меня. Она не искала меня взглядом, чтобы выяснить, что со мной, словно забыв о моем существовании. Я слонялся без дела. Выпил две рюмки вина и почувствовал себя неважно. В пять часов утра я решил уйти. Я подумал, что, может быть, в гардеробной, у входа, будет стоять Йовита в наряде султанши. Но застал там лишь совершенно пьяного толстого лысого типа, который на балу в Академии художеств наигрывал цыганские мелодии. Он декламировал «Оду к молодости».[3] Когда он доходил до слов: «И я над мертвым взлечу мирозданьем», то не мог вспомнить продолжения, топал от злости ногами и начинал заново. Интересно, каким образом он проникал всюду?

Было морозно. Падал редкий снег. Месяц светил сквозь тонкий слой облаков, как лампа в окне с задернутой занавеской. По Блоням ехала извозчичья пролетка. Вавель за туманной дымкой и снежной пеленой напоминал театральную декорацию. Я поднял воротник пальто и побрел по направлению к Плантам. Я думал о необходимости кардинально изменить свою жизнь. Бросить все, что было до этого, и посвятить себя работе на благо других. Уйти в монастырь? Подать

---

[3] Известное стихотворение Адама Мицкевича (1798–1855).

заявление в партию? Во всяком случае, исключить из своей жизни женщин. Под ногами поскрипывал снег. Доносились веселые голоса приглашенных, расходящихся после танцев из клуба. Кто-то догонял меня.

– Родриго, – неожиданно услышал я, – как же ты посмел бросить свою девушку?

Я остановился как вкопанный. Потом стремительно повернулся. Передо мною стояла Агнешка. Она улыбалась, как расшалившийся ребенок, который знает, что провинился, но что будет прощен. Ее щеки разрумянились от мороза, она была в короткой шубке и меховой шапочке. Только теперь я заметил, что у нее чуть вздернутый нос, чего я вообще не люблю. Я старался не показать, насколько я удивлен происшедшим.

– Ага, – сказал я, – так это ты – Йовита?

Она рассмеялась, как обычно, обнажая зубы.

– Нет, – ответила она, – я не Йовита. Ты на меня не сердишься?

Я не знал, на что мне следовало сердиться: что она не Йовита или что оставила меня на всю ночь ради Леона. Я счел за лучшее выбрать это второе.

– Нет, дорогая, – сказал я независимым тоном. – С какой стати я могу на тебя сердиться? У тебя нет по отношению ко мне никаких обязательств. И я сомневаюсь, выиграл ли бы я дело, подав на тебя в суд за нарушение обещания вступить в брак. Впрочем, Леон действительно великолепно танцует.

Если бы я не стеснялся, то сам охотно с ним потанцевал бы.

Я двинулся дальше. Она бежала рядом торопливыми шажками.

– Я не понимаю, из-за чего эта истерика. Только потому, что я несколько раз станцевала с другим? – воскликнула она.

Я вдруг сообразил, что с этой девушкой мы едва знакомы, а разговариваем так, словно уже давно связаны.

– Истерика? Кто закатывает истерику?

– Ты!

– Я?

– А кто же? Ты обижаешься, исчезаешь потому, что я пошла танцевать с другим. Но я должна была с ним потанцевать. Ведь сначала я покинула его ради тебя. Не следовало ли мне быть справедливой? А ты уходишь, не попрощавшись, и вынуждаешь меня бежать за тобой по морозу.

Я уже знал: она не из-за Леона спрашивала меня, не обиделся ли я. Но сделал вид, что не знаю.

– Тогда почему ты спрашивала, не обиделся ли я? Видимо, ты сама чувствуешь, что неправа.

– Не беги как сумасшедший, – бросила она зло, – разве ты не видишь, что я запыхалась? И вообще, куда мы идем?

Я сбавил шаг. Она взяла меня под руку. Я ничего не говорил ей. Мне не хотелось предлагать ей пойти ко мне. Это прозвучало бы недвусмысленно. Такая недвусмысленность меня пугала.

– Ведь не будем же мы все время разгуливать пэ морозу.

Почему ты не пригласишь меня к себе позавтракать? Ты же Йовиту приглашал.

– Объясни, зачем ты мне морочишь голову? Ты – Йовита.

Она остановилась и засмеялась.

– А ты – болван. Абсолютный болван. Посмотри мне в глаза. Ты, должно быть, совершенно пьян. У Йовиты глаза черные, как уголь. У меня, да будет тебе известно, раз ты сам этого не заметил, глаза карие. Ты видел только ее глаза, но и их не запомнил. Расскажи я ей об этом, она бы еще больше расстроилась.

– Перестань наконец издеваться надо мной. Объясни всю эту историю с Йовитой.

Я посмотрел ей в глаза. Они были темно-карие. Агнешка прищурила их и чуть грустно улыбнулась, как бы сожалея, что они у нее не черные. Мы двинулись дальше.

– Я все время собираюсь рассказать тебе о Йовите, – произнесла она с нетерпением, – а ты меня не слушаешь или прерываешь. Вскружил девушке голову, а теперь даже слышать о ней не хочешь. Вот каковы вы, мужчины!

– Перестань надо мной издеваться!

– А ты так серьезно относишься к этой истории?

– Знаешь, Агнешка, ты просто невыносима!

– А ты глуп, как пробка. Иногда ты понимаешь шутку, а иногда теряешь чувство юмора и не разрешаешь пошутить. Но я вполне серьезно говорю тебе, ты произвел на Йовиту большое впечатление. Она была очень огорчена, что ты ее не

дождался.

– Не дождался? Она сама от меня улизнула.

– Ты, по-моему, каждую женщину готов обвинить в том, что она улизнула, как только она тебе надоест. Как меня сегодня.

Я вздохнул и устало покачал головой. Мы шли по направлению к моему дому. Я живу на аллее Словацкого. У маменькиного доктора некогда был здесь кабинет для приема больных. Доктор уступил мне его, а спортклуб уладил вопрос с жилищным отделом. Агнешка широко шагала, стараясь идти в ногу со мной. Она шла, опустив голову, над чем-то задумавшись.

– Ты был пьян? – спросила она. – Признайся.

– Сегодня? Нисколько.

– Нет, тогда, в Академии художеств.

– Ах, тогда? Ну, может быть, слегка. Не очень. У меня вообще крепкая голова.

– Ты был пьян. Если ты хоть минуту мог думать, что я – Йовита, значит, ты был пьян. Разве ты не заметил, что по-польски она говорит с акцентом?

Я задумался.

– Нет, не заметил. Разве она иностранка?

– Полька. Но ее родители эмигрировали еще до войны в Австралию. Она там родилась. Собственно, она превосходно говорит по-польски, но с чуть заметным акцентом. Ты должен был основательно набраться, чтобы не заметить этого.

Я думал не о Йовите, а об Агнешке, о том, что мы идем вместе, что направляемся к моему дому, что она близкий мне человек, хотя еще несколько часов назад я даже не подозревал о ее существовании.

– Акцент тут ни при чем, – сказал я, – если ты встречаешь кого-то на исходе ночи, в восточной одежде и с маской на лице, трудно уловить еще и особенный акцент.

– Ты огорчен тем, что я не Йовита?

– Перестань пристегивать ко мне эту Йовиту. В чем дело?

– Ведь ты же сам затеял этот разговор.

– Я?

– Кто же еще?

– Конечно, мне интересно было бы что-то узнать о ней. Это была забавная и очень странная история. Но теперь она меня не очень занимает. А ты устраиваешь из этого невесть что…

– Но ведь ты сам спрашивал. А когда я начинаю рассказывать, ты не слушаешь. Ты ведешь себя довольно странно.

– Ничего странного в этом нет. Она больше интересует тебя, чем меня.

– Это, пожалуй, моя единственно близкая подруга.

– В таком случае она в самом деле начинает меня интересовать.

– Ты иногда такой глупый, что просто хоть плачь! Разговариваешь со мной, как пожарник, который подъезжает к кухарке в расчете на свиную отбивную или на что-то еще.

– Что значит, «что-то еще»?

– Почем я знаю? Может, на бутылку пива или на сто граммов водки.

– Ну и сравнения у тебя!

– Ох! Опять обиделся.

– Совсем не обиделся. Я просто удивляюсь, откуда у тебя такие сведения. От родителей? Теперь нет ни таких пожарников, ни таких кухарок. Пожарник теперь делает доклады, заседает в почетных президиумах, выступает по телевидению и участвует в дискуссиях о воспитании молодежи. Кухарки и котлеты ему и не снятся.

– Но пожары-то он все-таки тушит?

– Только по необходимости.

– Ну, а кухарки?

– Что кухарки?

– Какие теперь кухарки?

– Кухарок в наше время просто нет.

– Скажешь тоже! А кто же готовит обеды?

– У женщин, которые готовят, ничего общего нет с прежними кухарками. Это те могли припрятать в духовке свиную отбивную для своего пожарника или отложить деньги на книжку. А теперь они – члены Женской лиги, им преподносят цветы и подарки к Женскому дню, и все они большие специалистки по части прав и обязанностей женщин в Народной Польше. Кстати, слово «женщина» означает скорее не пол, а некую расу, или класс, угнетенный в прошлом, ко-

торый гордится тем, что был угнетен, и тем, что сбросил с себя иго. Поэтому они преисполнены уверенности в себе и задирают нос, а это может плохо кончиться.

– Что именно?

– Женщины могут плохо кончить. Пол – это пол, и ничего с этим не поделаешь.

– Как тебе не стыдно молоть такую чепуху?

– Нисколько, потому что это чистейшая правда.

– И, кроме того, о пожарниках и кухарках тебе известно не больше моего. А рассуждаешь ты так, будто принадлежишь к другому поколению.

– Я, по крайней мере, лет на пять старше тебя. Тебе, вероятно, двадцать один год, не так ли?

– Двадцать два.

– Ну, значит, я старше на четыре года. Это порядочная разница. Мне во время оккупации было семь лет, а тебе – три года, поэтому о кухарках и пожарниках ты знаешь только понаслышке. А я – нет. Наша кухарка угощала меня конфетами, чтобы я помалкивал, что к ней захаживает пожарник и она кормит его обедом. Вот это была кухарка! Самая что ни на есть настоящая кухарка. Не то что эти, из Женской лиги, с их Женским днем.

Во время оккупации у нас никакой кухарки не было, три раза в неделю приходила убирать хромая, беззубая, изможденная женщина – сестра курьера из суда, который погиб в Освенциме. На нее ни один пожарник не взглянул бы, даже

если бы ему посулили самую великолепную отбивную.

Снег падал все гуще, мы шли по аллее Словацкого. Я увлекся своей выдумкой, и мне было наплевать на то, что это ложь, вранье. Зато благодаря ей у меня появилось чувство превосходства над Агнешкой. Но, главное, пожарники и кухарки позволяли забыть о Йовите, которая с беспокойной назойливостью вторгалась в дивную тишину снежной ночи. Агнешка спрятала лицо в воротник и слегка наморщила лоб. Мы прошли мимо маленького домика, утопавшего в снегу. В Кракове немало таких домишек. Трудно сказать, что в них сейчас, что было раньше. Конечно, есть люди, которые это знают. Им не надо строить догадок. Домик напоминал этакого добродушного мужчину в белой меховой шапке. В жизни я никогда не встречал добряка в белой меховой шапке, и, возможно, его вообще не существует. Тем это было забавнее. Все вокруг выглядело забавным. Все белое, невесомое и пушистое. Даже пьяный, который при встрече с нами сказал: «Привет, партизаны!» Меня клонило в сон. Но это был не обычный сон, а сонные грезы. Все было сном. Только Агнешка была явью и поэтому казалась привлекательней сна. До моего дома осталось шагов пятнадцать. Но и это расстояние показалось мне бесконечным. Мне захотелось поцеловать ее, поцеловать как можно нежнее и мягче. Это надо сделать ради нее, подумал я, и ради снега и пустынности, что вокруг нас, и еще потому, что я сильный, как атлет. Я остановился, взял ее лицо в свои ладони и стал разглядывать его, а она

улыбнулась неуверенно и вопрошающе, хотя прекрасно понимала, почему я так внимательно ее разглядываю. Я наклонился, чтобы ее поцеловать, но она отстранилась, а потом вдруг прижалась щекою к моей щеке, обняла меня за шею и полураскрытыми влажными губами начала целовать меня в щеку, все ближе и ближе к губам. «Ого, девочка, кажется, опытная», – подумал я и тут же устыдился своих мыслей. Но это получилось как-то само собой, без моего участия. Мне не хотелось быть банальным и циничным, мне хотелось быть возвышенным и чистым. То, что я испытывал к Агнешке, не имело ничего общего с обычным приглашением девушки к себе домой после вечеринки. Наши уста сомкнулись, когда Агнешка вдруг с силой отпихнула меня и отвернулась.

– Нет, нет, – сказала она. – Уходи. Отправляйся разыскивать свою Йовиту. Чего тебе от меня надо?

Тогда я разозлился и, уже не заботясь о том, чтобы быть нежным и деликатным, схватил ее и стал страстно целовать, как Грегори Пек гордую индианку в фильме не помню с каким названием, от которой он, кстати, потом не мог отвязаться. Пораженная Агнешка хотела было защищаться, но на улице было скользко, и мы упали. Мы барахтались в снегу, злились друг на Друга, и нам было не до нежностей. Но Агнешка вдруг начала смеяться, тогда я выпустил ее из объятий и тоже захохотал. Мы сидели рядышком на тротуаре и покатывались со смеху. Неожиданно мы перестали смеяться, посмотрели друг на друга серьезно и стали целоваться по-

настоящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.